

Александр Бестужев-Марлинский

Второй вечер на бивуаке

Александр Бестужев-Марлинский

Второй вечер на бивуаке

«Public Domain»

1823

Бестужев-Марлинский А. А.

Второй вечер на бивуаке / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain», 1823

«Эскадрон подполковника Мечина прикрывал две пушки главного пикета, расположенного на высотах***. Сырой туман стлался по окрестности, резкий ветер пронизал насквозь. Офицеры лежали вокруг дымного огня. Конноартиллерийский поручик сидел на колесе орудия; подполковник, опершись на длинную саблю свою, стоял в задумчивости. Все молчали...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Второй вечер на бивуаке¹

*Орудий заряженных строй
Стоял с готовыми громами;
Стрелки, припав к ним головами,
Дремали, и под их рукой
Фитиль курился роковой.²*

Жуковский

* * *

Эскадрон подполковника Мечина прикрывал две пушки главного пикета, расположенного на высотах***. Сырой туман стлался по окрестности, резкий ветер пронизал насквозь. Офицеры лежали вокруг дымного огня. Конноартиллерийский поручик сидел на колесе орудия; подполковник, опершись на длинную саблю свою, стоял в задумчивости. Все молчали.

– Какое вещественное создание человек! – начал штабс-ротмистр Ничтович. – Каждая игрушка его тешит, каждая безделица огорчает. Малейшая боль расстраивает нравственные способности, и перемена погоды действует на расположение его духа. Давно ли мы были веселы, пели, резвились; подул холодный ветер – и вместе с небом нахмурились наши брови, и говоруны сидят будто в Пифагоровой школе молчания.³

– Не ручаюсь за других, – возразил Лидин, – но покуда старость и подагра не сделали из меня барометра, погода не имеет на меня никакого влияния. Когда я доволен, то, по мне, хоть трава не расти: снег, град, дождь, вьюга – все праздник. Но ежели грустно на сердце, то и светлый день досаден. Тогда кажется, будто все веселы назло мне, и я становлюсь прихотлив, как невеста.

– Следовательно, – сказал штабс-ротмистр, – погода действует на тебя в обратном порядке, но тем не менее влияние оной существует.

– Не думаю, – отвечал Лидии, – это чувство есть следствие внутренних, а не внешних ощущений, и до тех пор будет иметь место, покуда перевес останется на его стороне. Например, я люблю смотреть на играющую молнию, люблю слушать вой грозы и шум проливного дождя... но почему люблю я это?

– Потому что ты чудак, – перебил штабс-ротмистр. – Впрочем, как сам изъясняешься, ты любишь не испытывать, но только смотреть, только слушать бурю, как Вернетову картину⁴ или Моцартову ораторию.

– Прошу извинить, господин штабс-ротмистр, я люблю наслаждаться ею на чистом воздухе, в лесу, на горах. Но возвращаюсь к причине. Я люблю это по приятным воспоминаниям, которые рождаются во мне от бури. Однажды, например... ах! для чего это было только однажды!..

³ Пифагорова школа молчания... – Среди декабристов было распространено учение Пифагора и пифагорийцев, проповедовавших организацию сект для «общественного блага», самовоспитание в духе уединения, самовоздержание, умение не проливать слез и не жаловаться в несчастиях, не показывать страха и слабости в опасностях. На первом месте был обет молчания, умение хранить тайну. Здесь выражение употреблено иронически.

⁴ Вернетова картина. – Верне Клод Жозеф (1714—1789) – французский художник – пейзажист, маринист.

– Для того, – перебил Ничтович, – что в Кургановой арифметике⁵ весьма замысловато сказано: единожды един – един, а не два.

Все засмеялись; но Лидин с улыбкою продолжал:

– Надеюсь, господин штабс-ротмистр простит мне это восклицание: оно вырвалось из сердца, а сердце плохой арифметик.

– Не знаю, каково твое, – отвечал, смеючись, Ничтович, – но мое даже под ядрами так верно отсчитывает шестьдесят секунд в минуту, как патентовые часы.

– Во время сражения мне некогда бывало заниматься проверкою своего пульса, – хладнокровно заметил Лидин.

Это замечание задело за живое штабс-ротмистра; он уже с приметною досадою спросил:

– Конечно, ты за эскадроном в замке строил воздушные замки?

– Дурная игра слов, Ничтович! – сказал подполковник дружески, желая замять ссору, которая бы наверное кончилась саблями. – Пустая игра слов, да и предмет ее не слишком хороший. Вы подсмеиваетесь друг над другом насчет отваги; но я желаю знать, кто бы из всей армии осмелился подумать, не только сказать, что в нашем эскадроне есть кто-нибудь двусмысленной храбрости.

– Пусть мне французский флейтщик пред разводом выбреет усы, если это неправда! – вскричал ротмистр Струйский, который, лежа на попоне, казалось, слушал только, как растет трава. – Вам грешно, господа, в нашей беззаветной беседе говорить колкости или обращать шутки в дело... Ну, други! мировую!.. А если ж вы не поцелуетесь, то ты, Лидии, не зови меня никогда в секунданты, а ты, Нилтович, вперед не узнаешь, длинны или коротки стремяна на моем Черкесе, когда нужно будет понаездничать.

– Помилуй, Струйский, с чего ты взял, будто мы ссоримся! – сказал Ничтович, подавая Лидину руку.

– Ну полно, полно! – продолжал ротмистр. – Кто старое помянет, тому глаз вон.

– Я это всегда говорю своим заимодавцам, – сказал Лидии, но, уважая ротмистра, он сжал руку Ничтовича.

– Надеюсь, однако ж, что анекдот, который начался таким романтическим восклицанием, им не кончился и Лидин, доскажет его друзьям своим? – сказал, Мечин.

– О, без сомнения, подполковник! Я так люблю говорить о милой Александрине, что очень рад случаю.

– Воля твоя, Лидии, – возразил подполковник, – ты сбиваешься в происшествиях. Сохраняя все уважение к даме твоего сердца, кажется, дело шло не об ней, а об ненастной погоде.

– Имейте немного терпения, господин подполковник, и оно приведет пас к тому же... Надобно вам знать, друзья мои, что, живучи в златоверхой Москве, влюбился я...

– Знаем, знаем в кого и у кого, как по формулярному списку, – подхватил Ничтович, – благодаря твоей нежности я могу описать ее рост, лета и приметы, до последнего родимого пятнышка, как в зеркале. Ты нам об ней наговорил столько...

– Об ней можно говорить, может быть, слишком много, но довольно наговориться об ней нельзя. Ты не знаешь этого ангела, Ничтович, и потому скучаешь рассказом; но спроси у ротмистра, как она прелестна собою, как мила со всеми, как любит просвещение, словесность...

– Бьюсь об заклад, – вскричал Ничтович, – что она хвалила стишки, которые написал ты ей в альбом!

– Как умна, как чувствительна!..

– К теплу и холоду, – прибавил ротмистр, одувая фитиль, которым собирался закурить свою трубку.

⁵ ...в Кургановой арифметике... сказано... – Н. Г. Курганов (1726—1796) – русский ученый и писатель, автор «Универсальной арифметики» (1757).

– Вы вечно шутите, Струйский; но что она любезна в самом деле, это больше всего доказывается верностью такого ветреника, каков я.

– Признаться, мудрено на бивуаках сыскать и случай для измены, – промолвил ротмистр, – тем более что из женского пола здесь никого и ничего нет, кроме этой пушки.

– Это единорог, – заметил артиллерийский офицер.

– Тем еще безопаснее! – отвечал ротмистр.

– Но тем хуже, что вы не даете мне досказать моей повести. Подполковник, шутя, возгласил: «Смирно!», и, по долгом смехе, Лидин продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.